

УДК 339.97
DOI**ПРЯМЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В МИРОВОЙ
ЭКОНОМИКЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ****Платонова Е.Д. ORCID ID 0000-0003-2077-6108***Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»,
Россия, Москва, e-mail: chair.etm@bk.ru*

Цель статьи – выявить основные тренды в сфере прямых иностранных инвестиций мировой экономики и определить перспективы иностранного инвестирования в реальный сектор мировой экономики. Проанализированы эмпирические материалы, содержащиеся в международных отчетах Организации Объединенных Наций, Всемирного банка, Международного валютного фонда, рейтинговом списке 2025 Fortune Global 500, публикациях зарубежных и российских авторов. Методы исследования: общетеоретические методы (абстрагирование, анализ и синтез, индукция и дедукция, обобщение, единство логического и исторического, аналогия, сравнение), системный и сравнительный подходы, экономико-статистические методы, анализ тематической научной литературы, а также визуализация данных в графической форме. Показано, что в 2023–2024 гг. преобладающим трендом было общее снижение объемов прямого инвестирования в мировую экономику за исключением экономики Соединенных Штатов Америки и ряда стран с развивающимися рынками (Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, Центральной Америки, Африки). В 2024 г. цифровая трансформация мировой экономики послужила основным драйвером роста мировой экономики и обеспечивалась увеличением объемов прямых иностранных инвестиций в высокотехнологичные отрасли, темпы роста которых опережали среднемировые. Значительно снизилось прямое инвестирование сфер мировой экономики, которые обеспечивают решение задач по достижению целей устойчивого развития наименее развитыми странами к 2030 г., кроме здравоохранения и образования. Перспективы выхода прямых иностранных инвестиций на восходящий тренд их роста зависят от нивелирования геополитических и геоэкономических рисков, повлиявших на их снижение в 2023–2024 гг., а также проведения разумной технико-технологической и социально-экономической политики всех субъектов инвестирования.

Ключевые слова: инвестиции, прямые иностранные инвестиции, мировая экономика, трансформация, цифровая экономика, цели устойчивого развития, темпы роста

**FOREIGN DIRECT INVESTMENT IN THE WORLD ECONOMY:
CURRENT TRENDS AND PROSPECTS****Platonova E.D. ORCID ID 0000-0003-2077-6108***Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Moscow Pedagogical State University", Russia, Moscow, e-mail: chair.etm@bk.ru*

The purpose of the article is to identify the main trends in the field of direct foreign investment in the global economy and to determine the prospects for foreign investment in the real sector of the global economy. The empirical materials contained in the international reports of the United Nations Organization, the World Bank, the International Monetary Fund, the 2025 Fortune Global 500 rating list, and publications by foreign and Russian authors are analyzed. Research methods: general theoretical methods (abstraction, analysis and synthesis, induction and deduction, generalization, unity of the logical and the historical, analogy, and comparison), systemic and comparative approaches, economic and statistical methods, analysis of thematic scientific literature, and visualization of data in graphical form. It was shown that in 2023–2024, the prevailing trend was a general decrease in direct investment in the world economy, with the exception of the economy of the United States of America and a number of emerging market countries (Association of South East Asian Nations, Central America, and Africa). In 2024, the digital transformation of the world economy served as the main driver of global economic growth, driven by increased foreign direct investment in high-tech industries that grew faster than the global average. Direct investment in sectors of the world economy that contribute to achieving the Sustainable Development Goals by the least developed countries by 2030, excluding healthcare and education, has significantly decreased. The prospects for foreign direct investment to reach an upward trend depend on the mitigation of geopolitical and geo-economic risks that contributed to their decline in 2023–2024, as well as the implementation of reasonable technical, technological, and socioeconomic policies by all investment entities.

Keywords: investments, foreign direct investment, world economy, transformation, digital economy, sustainable development goals, growth rates

Введение

Значительное внимание международного экономического сообщества к проблематике прямых иностранных инвестиций (ПИИ) обусловлено той ролью, которую играют прямые вложения в реальный сектор мировой экономики, поскольку они

определяют не только динамику ее развития, но и обновленную конфигурацию, отражающую инновационные тренды в технико-технологической и социально-экономической основе.

В российской экономической литературе начиная с 2000-х гг. преобладали опти-

мистические ожидания, связанные с приходом западных инвесторов и иностранными инвестициями, которые должны были преобразовать отечественную экономику и вывести ее на качественно новый уровень, сопоставимый с технологическими лидерами (США, Западная Европа, Япония), а также обеспечить включение экономики страны в систему мирохозяйственных связей [1–3]. Однако в историческом аспекте в трансформационный период российская экономика не только не получила достаточный объем иностранных инвестиций, но и выступила инвестиционным донором для развитых стран [4, с. 270–275].

Санкционное давление коллективно-го Запада на российскую экономику, усилившееся с 2014 г., привело к угасанию и без того небольшого потока мировых иностранных инвестиций [5; 6]. Бегство большинства западных инвесторов с российского рынка позволило российским экономическим властям переоценить значение иностранных вложений и взять курс на импортозамещение в важнейших сегментах российской экономики. Вместе с тем при изменении неблагоприятного для России и стран с развивающимися рынками сценария в геополитической области современного миропорядка возможно привлечение прямых иностранных инвестиций в развитие ряда отраслей и территорий РФ. В этой связи поставлена **цель исследования** – выявить основные тренды в сфере прямых иностранных инвестиций мировой экономики и определить перспективы развития данной сферы мировой экономики.

Материалы и методы исследования

Проблематике ПИИ уделяют значительное внимание международные организации, о чем свидетельствуют ежегодные отчеты ЮНКТАД ООН, регулярное обновление эмпирических данных о мировых инвестициях Всемирным банком, Международным валютным фондом (МВФ), аналитические материалы исследовательских центров (Международный институт управленческого развития (IMD), Fortune Global 500), зарубежные и отечественные периодические издания. Эмпирической основой исследования являлись материалы отчета Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) за 2025 г. «World Investment Report: International investment in the digital economy» (далее WIR2025)¹.

¹ 2025 World Investment Report: International investment in the digital economy. Сайт Конференции Организации объединенных наций по торговле и развитию. [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2025_en.pdf (дата обращения: 31.07.2025).

В исследовании применялись общетеоретические методы (абстрагирование, анализ и синтез, индукция и дедукция, обобщение, единство логического и исторического, аналогия, сравнение), системный и сравнительный подходы, экономико-статистические методы, анализ тематической литературы, а также визуализация данных в графической форме.

Результаты исследования и их обсуждение

В экономической литературе к позитивному влиянию ПИИ на национальную экономику авторы относят возможность, во-первых, передачи иностранными инвесторами высоких технологий своим дочерним или зависимым компаниям, работающим в экономике принимающей стороны; во-вторых, имплементации передовых методов организации и управления бизнес-единицами в рыночных условиях [7]; в-третьих, создания экспортно-ориентированного сектора экономики и приток иностранной валюты [8]; в-четвертых, увеличения числа высокотехнологичных рабочих мест и формирования профессиональных компетенций у сотрудников [9]. Эти положения, по мнению экономистов, нашли свое подтверждение в практике некоторых государств Юго-Восточной Азии (Китай, Вьетнам, Сингапур, Малайзия и др.), которые воспользовались преимуществами ПИИ и обеспечили технологическую модернизацию экономики, рассматривая ПИИ как инструмент повышения ее конкурентоспособности [10–12].

По данным Всемирного банка, в период с 1970 по 2024 г. в мировой экономике наращивались объемы прямого иностранного инвестирования: если в 1970 г. ПИИ составляли 12,36 млрд долл. США, то в 2024 г. – 1,56 трлн долл. США. Достаточно стремительный рост объемов прямых инвестиций чередовался с их взлетом и падением: в 2007 г. – это 3,11 трлн долл. США, в 2018 г. – только 1,1 трлн долл. США². Эти процессы отражают турбулентность мировой экономики, которая усилилась с начала XXI в.

В WIR2025 отмечается позитивная роль ПИИ в качестве драйвера цифровой трансформации мировой экономики, которая выступает одним из основных трендов ее современного развития, а также оказывает влияние на динамику экономик многих стран мира. На данные факты и закономерности указывается в работах отечественных исследователей, в которых показывается взаимосвязь развития цифрового

² URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD> (дата обращения: 25.07.2025).

сектора экономики и ПИИ в странах АСЕАН [13], а также в странах Африки [14]. Содержательные аспекты WIR2025 продолжают тематику ежегодного отчета ЮНКТАД за 2024 г. «World Investment Report 2024. Investment facilitation and digital government», в котором подчеркивалась необходимость учета влияния цифровых решений на уровне государств и активизацию инвестиционного процесса в сфере цифровых технологий³. Однако в WIR2025 более развернута и определена роль цифровой экономики: «Цифровая экономика является важной составляющей мировой экономики и стала основной движущей силой глобального экономического роста»⁴. В следующем десятилетии по расчетам международных экспертов цифровая экономика будет обеспечивать более двух третей создания новой стоимости в мировой экономике, а ее ежегодный рост прогнозируется на уровне 10–12 %, что значительно выше общемировых темпов роста валового внутреннего продукта (ВВП). Основными сферами ПИИ в процессе цифровой трансформации мировой экономики, по мнению авторов WIR2025, будут являться вложения в цифровое сельское хозяйство, цифровое высокотехнологичное производство, цифровой сервис.

Для оценки перспективных направлений ПИИ цифровую экономику целесообразно рассматривать в аспектах, во-первых, «узкой» цифровой экономики, представленной электронной коммерцией, платформенной и шеринговой экономикой, финтехом, искусственным интеллектом, автоматизацией процессов и сервисными услугами, цифровым контентом; во-вторых, «ключевой» цифровой экономикой, основанной на развитии электронно-цифрового оборудования и инфраструктуры (электроника, компьютеры и периферийные устройства, телекоммуникационное оборудование, интегральные схемы, программное обеспечение и центры обработки данных), а также цифровых услуг в области телекоммуникации, интернета и услуг передачи данных, облачных сервисов и других базовых цифровых услуг. Вместе взятые они составляют цифровую экономику в «широком» значении, ПИИ в которую обеспечивают экономический

прогресс и цифровую трансформацию мировой экономики в целом.

В процессе цифровой трансформации мировой экономики встает вопрос о субъектах ПИИ в цифровую экономику в «широком» значении. К их числу следует отнести представителей крупного транснационального бизнеса (ТНК), а также национальные и международные фонды прямых инвестиций, венчурные фонды, суверенные фонды благосостояния, благодаря вложениям которых в 2024 г. на 28 % выросла доля новых инвестиционных проектов (greenfield project), направленных на цифровую трансформацию экономик развитых и развивающихся стран, а их проектная стоимость превысила 360 млрд долл. США⁵.

Среди крупного транснационального бизнеса, занимающего верхние строки в рейтинговом списке 2025 Fortune Global 500, выделяются компании из Китая – State Grid, China National Petroleum, Sinopec⁶. Закономерно, что Китай и китайская провинция Тайвань являются, соответственно, первым и вторым по величине источниками цифровых инвестиций, что усиливает роль Азии как принимающей ПИИ стороне, так и их источника. Данный факт отмечается исследователями цифровизации экономики КНР, которые всесторонне рассмотрели уровень, факторы и перспективы применения цифровых технологий [15; 16, с. 157–167].

К числу относительно устойчивых трендов в области ПИИ относится значительная активность субъектов иностранного инвестирования, вкладывающих средства в страны с развивающимися рынками: в период с 2020 по 2024 г. развивающиеся страны привлекли более 530 млрд долл. США на новые инвестиционные проекты в сфере цифровой экономики. При этом почти 80 % цифровых новых инвестиционных проектов приходится на 10 стран во главе с Индией, Малайзией, Сингапуром. Кроме того, наблюдается растущая роль проектов «с инвестициями с нуля» (greenfield investment) по линии Юг – Юг в цифровую экономику в «широком» значении: их доля в общем объеме ПИИ возросла с 37 % в 2019–2022 г. до 40 % в 2023–2024 гг.⁷

Среди развитых стран инвестиционную активность в сфере цифровой экономики проявляли американские ТНК. Так, в 2024 г. компании QTS Realty Trust и Amazon.com объявили о новых инвестиционных про-

³ World Investment Report 2024. Investment facilitation and digital government. Сайт Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию. [Электронный ресурс]. URL: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2024> (дата обращения: 31.07.2025).

⁴ 2025 World Investment Report: International investment in the digital economy. Сайт Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию. [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2025_en.pdf (дата обращения: 31.07.2025).

⁵ URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2025_en.pdf (дата обращения: 31.07.2025).

⁶ URL: <https://fortune.com/ranking/fortune500/2025/> (дата обращения: 30.07.2025).

⁷ URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2025_en.pdf (дата обращения: 31.07.2025).

ектах по созданию крупных центров обработки данных (data centers и data processing) в Великобритании и Саудовской Аравии с объемами капиталовложений в 36,9 млрд долл. США⁸. Кроме того, информационно-коммуникационный гигант Microsoft повысил свои зарубежные активы более чем на 20 %, объявив о строительстве 10 новых центров обработки данных в Европе, в Бразилии и Индонезии.

Если в 2024 г. динамика вложений ПИИ в цифровую трансформацию мировой экономики показывала устойчиво восходящий тренд по объемам вложений, то в целом глобальные потоки ПИИ в мировой экономике сокращались второй год подряд: в 2023 г. потоки ПИИ снизились незначительно – на 2 %, а в 2024 г. – уже на 11 % с негативным прогнозом на 2025 г. Значительное сокращение потоков ПИИ наблюдалось в экономику развитых стран – в 2024 г. снижение составило 22 % по сравнению с 2023 г. По данным ЮНКТАД среди развитых стран резкое падение притока ПИИ в Европу (-58 %) контрастировало с ростом потоков ПИИ в Северную Америку (+23 %)⁹, что отражает геополитическую ситуацию утраты Европой своих экономических позиций в мире. Величина совокупных потоков ПИИ в страны с развивающимися рынками остались практически на прежнем уровне, несмотря на значительный рост стоимостных объемов ПИИ в африканские страны (+ 75 %), стимулировавшие положительную динамику развития цифровой экономики. Снижение ПИИ охватило экономику Китая, которая традиционно генерировала значительный объем иностранных инвестиций: в 2024 г. ПИИ упали на 27,1 % и составили 115,56 млрд долл. США¹⁰.

Вместе с тем, несмотря на слабый рост количества новых инвестиционных проектов в мировой экономике (+3 %), объемы финансирования цифровой экономики быстро росли (+107 %), включая производство полупроводников (+149 %)¹¹.

В настоящее время в мировой экономике наблюдается ситуация, когда сокращение потоков ПИИ не привело к падению других макроэкономических показателей, в частности валового внутреннего продукта и объема мировой торговли. Это

подтверждает отложенный эффект воздействия прямого инвестирования на мировой экономический рост. В определенной степени на данную ситуацию влияет производственная политика ТНК по перераспределению производственных мощностей в условиях нестабильной конъюнктуры на основных мировых продуктовых рынках. Определенное воздействие оказывают сделки по трансграничному слиянию и поглощению (M&A), которые определяют часть потоков ПИИ в развитые страны, которые в 2024 г. выросли на 14 %, достигнув 443 млрд долл. США¹². Однако эти объемы M&A значительно ниже среднего показателя за предшествующее десятилетие. ТНК все чаще останавливаются на M&A внутри национальных экономик, что отражает их стремление нивелировать геополитические риски и регуляторные барьеры, в том числе санкционные.

В WIR2025 особое внимание обращено на выявление трендов прямого иностранного инвестирования, связанных с достижением Целей устойчивого развития (ЦУР) на период до 2030 г., которые были объявлены в 2015 г. членами ООН.

В 2024 г. преобладал ярко выраженный негативный тренд в сфере ПИИ, которые должны обеспечивать достижение ЦУР в современном мире. Так, совокупная стоимость объявленных новых инвестиционных проектов и сделок по проектному финансированию достижения ЦУР в развивающихся странах снизилась на 27 %. Это снижение затронуло объемы прямого финансирования инфраструктуры (-35 %); возобновляемой энергии (-31 %); водоснабжения, санитарии, гигиены (-30 %); агропродовольственных систем (-19 %)¹³.

При этом в странах, отнесенных к наименее развитым странам (least developed countries), объемы ПИИ в новые инвестиционные проекты, направленные на достижение ЦУР, в 2024 г. упали на 93 % по сравнению с 2023 г. Это относится, прежде всего, к объемам финансирования проектов по обеспечению чистой и доступной энергией (-95 %), проектов в сфере телекоммуникации (-54 %), проектов по улучшению агротехники и ликвидации голода (-25 %). Однако к позитивным изменениям в сфере ПИИ относится увеличение объемов ПИИ в социальные проекты для стран с развивающимися рынками в сфере здравоохранения (+22 %) и образовании (+28 %). Рост ПИИ в социальные проекты для наи-

⁸ URL: https://unctad.org/system/files/official-document/diaeciainf2025d1_en.pdf (дата обращения: 31.07.2025).

⁹ URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2025_en.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁰ URL: https://insights.made-in-china.com/China-s-Economy-Report-Card-for-2024-GDP-Trade-FDI_HTZGgbkUFQlx.html (дата обращения: 30.07.2025).

¹¹ URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2025_en.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

¹² URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2025_en.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

¹³ URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2025_en.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

менее развитых стран в 2024 г. оказался еще более динамичным: прирост объема ПИИ в сферу здравоохранения для этой группы стран составил (+70%), а образования – (+104%) [7, с. 51]. Позитивная динамика ПИИ в здравоохранение и образование в этих странах свидетельствует о значительном потенциале роста ПИИ в отрасли ЦУР, реализация которого необходима для скорейшего сокращения отставания от планов ООН по достижению ЦУР к 2030 г.

Для определения перспектив выхода ПИИ на восходящий тренд их уверенного роста кратко выделим факторы, которые обусловили негативные тренды в сфере прямого иностранного инвестирования современной мировой экономики. Прежде всего, это беспрецедентная со времен холодной войны геополитическая напряженность, которая в экономической проекции выражается в ведении санкционных («пакетных») войн, что ограничивает свободу перемещения капитала, сужает экономическое пространство для прямых иностранных инвестиций, фрагментируя его и разрушая инвестиционный климат.

Исходя из представленных в WIR2025 данных, в 2024 г. происходили сложные и разнонаправленные процессы в мировой экономике, когда наблюдались нисходящие и восходящие тренды в сфере ПИИ. С одной стороны, имело место общее падение ПИИ на 11 % в мировую экономику, что замедляет достижение ЦУР к 2030 г., но, с другой стороны, устойчиво растут ПИИ в отрасли, обеспечивающие цифровую трансформацию мировой экономики, в том числе в странах с развивающимися рынками: с период с 2020 по 2024 г. эти страны привлекли в общей сложности 531 млрд долл. США в новые инвестиционные проекты в развитие цифровой экономики.

Географически, несмотря на резкое падение ПИИ в Европе (-58%), развитые страны благодаря Северной Америке генерировали положительную динамику ПИИ: приток ПИИ в США и Канаду вырос по сравнению с 2023 г. на 63 млрд долл. США, или на 23 %. Лидером развивающегося мира по притоку ПИИ выступает Африка (+75%), в то время как Азия и Латинская Америка с Карибским бассейном показывали негативные результаты: -12% и -3% соответственно.

В отраслевом разрезе более быстрыми темпами развивалась цифровая экономика в «широком» значении ввиду роста вложений ПИИ крупными международными компаниями, инкорпорированными в раз-

витых и развивающихся странах, в сферу производства ИКТ, цифровых услуг и полупроводников. В этом сегменте мировой экономики наблюдалась сверхвысокая концентрация цифровых ПИИ: в 10 развивающихся странах сосредоточено до 80 % объема ПИИ в цифровые проекты.

С международной позиции в 2024 г. отчетливо проявился негативный тренд в сфере ПИИ, которые направлены на достижение ЦУР, определенных ООН в «Повестке дня в области устойчивого развития» в 2015 г. Общие объемы ПИИ в отрасли ЦУР развивающихся стран снизились на 27 % по сравнению с 2023 г., а в наименее развитых странах – на 93 %.

Заключение

В настоящее время перспективы возврата к восходящему тренду развития сферы ПИИ мировой экономики во многом определяются нормализацией межгосударственных инвестиционных отношений и зависят от скорости нивелирования геополитических и геоэкономических рисков до приемлемого уровня. Вместе с тем мировая экономика находится на этапе технико-технологической модернизации и перехода на качественно новый технико-технологический уклад, требующий значительных венчурных вложений, дополнительных инвестиций в инновационные стартапы и вложений в человеческий капитал. В этой связи перспективы развития сферы ПИИ мировой экономики будут определяться разумной технико-технологической и социально-экономической политикой всех субъектов инвестирования.

Список литературы

1. Фишер П. Прямые иностранные инвестиции для России: Стратегия возрождения промышленности. М.: Финансы и статистика, 1999. 512 с. ISBN 5-279-02172-5.
2. Духаев А.Д. Сферы притяжения иностранных инвестиций в национальную экономику России // Вестник Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова. 2004. № 2. С. 90–97. EDN: IAFKRT.
3. Онгоро Т.Н. Прямые иностранные инвестиции в экономику развивающихся стран: опыт анализа западных теоретических оценок и международной статистики. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та экономики и финансов, 2006. 176 с. ISBN 5-7310-2119-8.
4. Платонова Е.Д. Современная теория и практика накопления (трансформационный аспект): монография. М.: Academia, 2006. 367 с. ISBN 5-8429-0196-X2.
5. Казанцев С.В. Санкции и прямые иностранные инвестиции: ущерб для России и стран-санкционеров // Мир новой экономики. 2020. № 14 (1). С. 44–53. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-1-44-53.
6. Арсанукаев С.А. Влияние санкционных ограничений на привлечение иностранных инвестиций в экономику Российской Федерации // Вестник науки. 2024. Т. 2. № 6 (75). С. 41–47. EDN: VPWVGK.

7. Mamatkulov A.V. Foreign direct investment and Key growth theories // *Economy: Analysis and Forecasts*. 2021. № 3 (14). P. 105–108. EDN: QZBHLO.
8. Веселовский М.Я., Погодина Т.В. Прямые иностранные инвестиции как фактор технологического развития национальной экономики // *Вопросы региональной экономики*. 2020. № 4 (45). С. 226–232. URL: https://unitech-mo.ru/upload/files/science/problems-of-regional-economy/file/2020_4.pdf (дата обращения: 05.08.2025). DOI: 10.21499/2078-4023-2020-45-4-226-232.
9. Платонова Е.Д. Иностранные инвестиции в реальный сектор транзитивной экономики России: подходы инвесторов и направленность вложений // *Экономические науки*. 2017. № 149. С. 20–25. EDN: ZMZMYL.
10. Авдокушин Е.Ф. О сути и особенностях китайской экономической модели // *Вопросы новой экономики*. 2013. № 1 (25). С. 23–28. EDN: PWKSVX.
11. Кузнецов А.В. Прямые иностранные инвестиции стран Восточной Азии: Китай, Япония, Республика Корея, Монголия. М.: КноРус, 2018. 210 с. ISBN 978-5-4365-2537-2.
12. Торкунов А.В. О Центре АСЕАН и силе его притяжения // *Международная жизнь*. 2016. № 5. С. 26–45. EDN: VVGSIZ.
13. Митюшкина А.А., Тырква Х.В. Цифровой сектор экономики и прямые иностранные инвестиции: пример стран АСЕАН // *Вестник МИРБИС*. 2022. № 4 (32). С. 6–13. DOI: 10.25634/MIRBIS.2022.4.1.
14. Приходько Д.В. Цифровизация в странах Африки и факторы ее сдерживающие // *Фундаментальные исследования*. 2024. № 2. С. 31–36. DOI: 10.17513/fg.43567.
15. Юань Кай. Цифровая экономика Китая: уровень и факторы развития // *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. 2024. № 2 (78). URL: <https://eee-region.ru/article/7804/> (дата обращения: 07.08.2025). DOI: 10.24412/1999-2645-2024-278-4.
16. Трошинский П.В. Цифровая экономика и цифровизация современного Китая // *Социально-экономические итоги 13-й пятилетки КНР (2016–2020 гг.) и задачи 14-й пятилетки (2021–2025 гг.): сборник трудов конференции (Москва, 21 апреля 2021 г.)* / отв. ред. А.В. Островский. М.: ИДВ РАН, 2021. 312 с. ISBN 978-5-8381-0400-7.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.